Произведения победителей (лауреатов и дипломантов) Шестого межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт» - Малая проза

Номинация «Малая проза»

Пучков Андрей Викторович (персональный номер участника - 98)
Харисов Хабир Кабирович (Николай Таёжный) (89)
Можаев Александр Николаевич (39)
Павлова Ольга Геннадьевна (64)
Кривонос Сергей Иванович (68)
Елизавета Осень (117)
Арестов Анатолий Владимирович (38)
Савенкова Галина Михайловна (74)

Первое место (золото) и звание лауреата. **Андрей Викторович Пучков –** родился в 1963 г. в посёлке Хандальск Абанского района, Красноярского края. После демобилизации из Советской Армии, служил в МВД на различных должностях. В 2006 г. в звании капитана вышел в отставку. Лауреат ряда литературных конкурсов. Автор двух романов и множества рассказов. Член Международного союза русскоязычных писателей. Живёт в г. Сосновоборске, Красноярского края.

Знамя

На первый взгляд это были самые обыкновенные дети. Они точно так же, как и другие ребятишки играли, качались на качелях, бегали, прыгали, баловались. Однако, временами, начинали вести себя не так, как должны вести себя обычные дети. Начать хотя бы с того, что они старались держаться поближе друг к другу. Но, дело не в этом – мало ли, как бывает. Может, жили в одном дворе и, попав в незнакомое место, старались быть друг к другу поближе.

Необычным было то, что они иногда замирали на месте и, начинали прислушиваться, тревожно озираясь по сторонам. И если, не дай бог, в это время где-то раздавался громкий звук, неважно какого происхождения, они как по команде срывались с места, и бежали к подвалу.

По началу, когда дверь в подвал была закрыта и дети не могли в него попасть, у них начиналась истерика. Так продолжалось до тех пор, пока я не распорядился оставлять дверь в подвал открытой.

Этих детей в наш детский дом привезли месяц назад из разрушенного войной Мариуполя. Они были круглыми сиротами. Потеряли родителей.

Они привыкли бояться. Их мозг, манипулируя страхом, помогал им выживать там, где даже взрослому человеку приходилось туго. И чтобы рассудок оставался нормальным, природа предусмотрительно приглушила боль от потери родных людей, загнав осознание этого на задворки разума.

Некоторые из них, вообще без взрослых, неизвестно как выжили в подвалах разрушенного города. Поначалу их расселили в разных группах, поделённых на семьи, но, ничего не вышло. Каким-то

непостижимым образом, вновь прибывшие в течение двух дней вычислили друг друга и стали держаться вместе.

Я точно знал, что большинство из них раньше друг с другом даже не были знакомы. Из двенадцати детей, только трое знали друг дружку – их обнаружили в одном из подвалов дома, где они прятались, питаясь чипсами и сухариками, которые набрали в разрушенном неподалёку от них магазине.

На ночь дети собирались в одной из семей и наотрез отказывались расходиться. После этого, мне пришлось выделить для них отдельное помещение и, создать семью, состоящую только из этих ребятишек. Но, самым кошмарным было то, что на ночь они забирались спать под кровати.

Никакие уговоры не действовали, ничего не помогало. Наши психологи с «ног сбились» пытаясь найти к ним подход. У меня уже стали появляться мысли, чтобы поселить их в подвале…

В дверь кабинета постучали.

– Войдите! – откликнулся я, и негромко добавил, – не заперто.

– Здравствуйте Алексей Николаевич, – впорхнула в кабинет старший воспитатель Вера Андреевна, или Верочка, как за глаза называли её воспитанники детского дома. – Алексей Николаевич, баба Надя… простите, Надежда Ефимовна, – смущённо поправилась она, – просит, чтобы мы сегодня разрешили ей, перед тем как укладывать детей спать, поговорить с Мариупольской группой…

– Присаживайтесь Вера Андреевна, – кивнул я на стоящий возле стола стул, дождался, когда воспитательница устроится и спросил:

– И о чём же она собирается с детьми говорить?

– Я не знаю. Она не сказала, – растерянно пожала плечами Верочка, – она давно работает, может у неё получится как-то повлиять на них?..

Это правда. Надежда Ефимовна работает воспитателем давно. Можно сказать, с детства! Она всегда работала с детьми, другой профессии у неё нет. Недавно ей исполнилось семьдесят пять лет. Однажды, когда её в шутку спросили, не собирается ли она оставить свою хлопотную работу, ответила, что ещё слишком молода, чтобы отдыхать на пенсии.

– Ну что же, пускай попробует, – согласился я, – плохого точно не расскажет.

– Так! Хорошие мои! – раздался из-за двери негромкий голос бабы Нади, – давайте-ка все напротив меня устраивайтесь, пока время есть, я вам хочу одну историю рассказать.

Я воровато осмотрелся и, поняв, что в коридоре никого нет, наклонился ухом поближе к двери.

За дверью раздался галдёж, и заскрипели кровати.

– Ну вот, вижу, разместились, – довольно проговорила баба Надя, и вдруг со смешинкой в голосе добавила:

– Осталось только нашего уважаемого директора, позвать, который стоит за дверью! Надеюсь, вы не

будете против, если он вместе с вами послушает?!

Чертыхнувшись про себя, толкнул дверь и вошёл в комнату.

Как и ожидалось, все дети разместились на нескольких кроватях и, с плохо скрываемым нетерпением смотрели на меня. Мол, припёрся тут! Слушать мешает!

Ни слова не говоря, я уселся за спиной у воспитательницы на свободную кровать и осмотрелся. Перед бабой Надей разместились все дети, кроме одного – девятилетнего Стёпки, который насупившись, скрестив руки на груди, сидел на своей кровати отдельно от остальных детей.

Этот был самый проблемный. Складывалось впечатление, что он совершенно одичал в развалинах, и жил какой-то своей жестокой жизнью. Он никому не давал прохода. Задирался со всеми, даже с мальчишками, которые были старше его и, явно сильнее. Но больше всего, почему-то, доставалось тем, кто, как и он, прибыл из Мариуполя. Ему неоднократно предлагалось перейти жить в другую семью, но он категорически от этого отказывался.

– Я не знаю, правда это иль нет, – между тем начала баба Надя, – было это на самом деле, аль придумал кто, но, сказывают, что произошло это в вашем городе…

Баба Надя задумалась и погладила лежащий на её коленях сверток.

– А чего произошло-то? – спросила сидевшая ближе всех к воспитательнице светловолосая девочка, которую все звали Светиком.

– Чего, чего, – ехидно передразнил девочку Стёпка, – а то ты не знаешь! Война началась с нациками! Вот, что случилось!..

Баба Надя вздохнула:

– Да дружок, началась война с ними. И стали эти злыдни битву проигрывать. Начали волтузить их так, что только пух и перья полетели. Когда же стало ясно, что не видать им победы, решили они сгубить тех, кто прятался от них в подвале одного из домов. Собрались они всем своим отрядом, и зашли в этот подвал…

Баба Надя помолчала немного, горестно качая головой, а потом, тяжело вздохнула:

– Много людей в подвале том от них пряталось. И женщины там были, и старики, и деток малых много было. Увидел это самый главный нацик, обрадовался. Некому было заступится за людей. Безнаказанно можно своё чёрное дело совершить.

Приказал он своим солдатам, убить всех, кто находился в подвале. Но не успели они! Только подняли своё оружие, как вдруг встала перед ними старая женщина и развернула в руках полотно…

Баба Надя замолчала и, опять погладила лежащий на коленях свёрток.

В комнате стояла тишина. Дети, открыв рты, замерли на кроватях, уставившись широко открытыми глазами на воспитательницу.

Молчание затягивалось.

Первым не выдержал Стёпка:

– Они же их не убили? – хрипло спросил он, потом откашлялся и повторил:

– Не убили ведь?.. Правда?!..

Баба Надя, как будто, не слыша вопроса продолжила:

– Увидели нацики полотно, и ужас охватил их. Закричали они от страха! И тогда их главный завопил: «Убейте её немедленно! Убейте их всех!» Орал, он! «Всех!.. Никого не щадить!..» И начали они стрелять!.. Но, ничего у них не получалось. Не могли пули пробить полотно, которое держала перед ними женщина. Отскакивали пули от полотнища и, летели обратно, поражая их самих.

Долго стреляли они. Уже целая гора из их тел лежала рядом с главарём. И тогда оставили силы старую женщину… Не удержала она полотно… Выпустила его из ослабевших рук…

– Ой!.. А они что, всё-таки смогли людей убить?! – прошептала Светик и, закрыла рот ладошками.

– Нет, Солнышко моё, – улыбнулась баба Надя и, наклонившись к девочке, погладила её по голове, – не смогли они людей убить. Подхватил полотно мальчик, вот такой же, как ты! – кивнула она Стёпке. – И возраста такого же!.. Ты даже похож на него. Очень похож!.. Поднял! – повторила она, возвысив голос. – И закрыл людей!

И опять закричали от страха злодеи, и начали стрелять пуще прежнего. И билось полотно в руках мальчика от попадающих в него пуль, вырывалось, но он держал его крепко. Понимал, что, если не справится, выпустит его из рук, защитить людей больше будет некому. Из последних сил держал. Уже все злодеи полегли от собственных пуль. Остался только самый главный. Понял он, что не сможет пробиться к людям и, бросил в мальчика бомбу…

В спальне повисла напряжённая тишина. Казалось, что дети даже дышать перестали. Светик всхлипнула. Но баба Надя дело до слёз не довела.

– Не повезло главному нацику! Глупый он был и дурной! – вздохнула она. – Отскочила бомба от полотнища, как те пули, и угодила ему прямо в лоб!.. В общем, только мокрое место от него и осталось …

И тогда Светик засмеялась. Она смеялась так заразительно, что, глядя на неё, уже все дети покатывались, повалившись на кровати.

– Это неправда! – раздался вдруг Стёпкин голос, – бомбы с самолётов бросают! Главарь, наверное, гранату бросил…

– Не знаю, хороший мой, может и гранату, – грустно улыбнулась баба Надя, – не разбираюсь я в оружии. Ты лучше помоги вот это к стене спальни прикрепить, – и она, встав со стула, развернула перед собой красное полотнище, которое вытащила из пакета.

Я не удержался и подошёл поближе. Глядя на меня, воспитательницу обступили и другие дети.

Это было красное знамя! Обыкновенное знамя, в верхнем левом углу которого, белой краской была нарисована звезда.

– А я знаю, что это! – сказал вдруг Стёпка, и провёл рукой по красному полотну. – Это флаг!.. Красный флаг! Я такой на картинках видел.

– Это ведь из того подвала?.. Из того?.. Правда же?.. – прошептала Светик и тоже потрогала знамя рукой. – Это его пули пробить не могли?! А почему они его пробить не могли? А откуда оно у Вас? А кто вам его дал?..

– Да, это оно, – засмеялась баба Надя, – а на другие вопросы я отвечу завтра, а сейчас время уже позднее, давайте-ка по своим местам! Укладываться пора.

Дети, сами, во главе со Стёпкой, прикололи знамя кнопками к стене рядом с дверью и, разошлись по своим койкам. Первый раз они ложились спать на кровати, а не забивались под них, стараясь спрятаться от страшного мира.

На город опустилась ночь и, как губка, впитав в себя резкие звуки города, вывалила на него полчища мотыльков и другой ночной живности.

Я сидел на крыльце, слушал ошалелый треск сверчков и улыбался, представив, удивление Верочки, когда она завтра утром придёт проверить, всё ли в Мариупольской семье в порядке. Дети спали. Спали каждый в своей кровати.

Всё оказалось просто. Им нужна была защита и, баба Надя дала им эту защиту. Защиту, которая не только отражала нападение, но и могла уничтожить саму опасность.

Конечно, дети понимали, что простая ткань не может удержать пулю. Но для них это знание не являлось определяющим. Всю свою сознательную жизнь они хотели жить в безопасности и, как только им предложили её символ, они приняли его сразу же, безоговорочно. Ухватились за него как за спасательный круг.

И, кроме того, баба Надя, словно посмеиваясь над нашими специальными познаниями в области детской психологии, несколькими словами, из ощетинившегося зверька сотворила защитника.

Я почему-то был уверен в том, что Стёпка никогда больше не будет обижать других детей. Не сможет! Он ведь так похож на того мальчика, стоявшего под пулями со знаменем в руках.

Не сложно было догадаться, о чём баба Надя завтра будет рассказывать детям – о великой стране, одержавшей победу в грандиозной битве с чёрной силой. И о красном знамени, водружённом над логовом побеждённого зверя! Знамени, которое, по прошествии стольких лет, продолжает оберегать людей от зла.

Второе место (серебро) и звание лауреата. **Харисов Хабир Кабирович** (**Николай Таёжный**) – родился в 1957 году в Челябинской области. Окончил Свердловский горный институт. Геофизик, журналист. Работал в Западной Сибири и Забайкалье, на Кубани, в Калининградской области и на Таймыре. Член Союза писателей России. Лауреат ряда литературных и журналистских конкурсов.

Живет в пос. Солнечный Челябинской области.

Салют берёз твоих

– Отец, тебе немало лет, давно живёшь… Жизнь, наверное, показалась о-очень длинной?

– Длинной?! Хм, длинной… А вот послушай меня.

Как-то мы с братом моим старшим, – дядю Шамиля ты не мог видеть, он с войны не вернулся, – отправились, значит, мы с Шомкой ловить зайчат в поле на стерне. Стерня, если помнишь, – это то, что остаётся от пшеницы или ржи после укоса, уборки то есть. Так вот, в копнах соломы много зайчат обычно пряталось. И вот я первый увидел зайчонка, – метнулся за ним, а ноги-то, само собой, босые – уколол пятку, да так больно, о срезанный косою стебель какого-то крепкого, твёрдого сорняка. Он, стебель-то, и срезан ведь, как на грех, под углом, будто ровно для того, чтоб острее был… Ну вот, сижу это я, ногу-то обхватил руками, от слёз удержаться не могу, а Шомпай, гад такой, Шомпай за моим зайчонком, как борзая собака, – и поймал же, везунчик… А солнышко августовское, ласковое – так-то греет, милое, а брат радостный, весёлый такой, тюбетейка набекрень, прижал к груди зайчонка, я его таким весёлым больше и не видел – таким и запомнится, – через зиму только и начнётся война. А зайчонок пригрелся на груди у братки, уснул, что ли – не шелохнется, или за мамку Шамиля принял – своей-то мамки он, бедняга, и не видел, поди, – говорят, зайчихи зайчат-то не различают, кормят всех, кто прибежит и присосётся, – вот ведь как мудро у зверей устроено – на своих и чужих не разделяют.

А ведь я первый зайчонка увидел – стало быть, моя должна быть добыча! Уж, почитай, шестьдесят годков минуло, как братку Шамиля на фронте убило, – а вот, как вспомню того зайчонка – до слёз опять обидно и нога уколотая болит – спасу нет! А ты говоришь – длинная жизнь… Какое там!..

Яма быстро, на глазах углубляется – землекопов-то много, лопаты часто переходят из рук в руки. Много нас собралось здесь сегодня – здесь и пожилые уже внуки, и ещё молодые племянники, дядья, сваты, свояки, шурины и прочие родственники, многие из которых и видят-то друг друга едва ли не впервые… Да и разбирался досконально в сложной родственной иерархии только, пожалуй, отец. Группками тут и там стоят меж могилками родственники многочисленные, неспешные тихие льются разговоры-воспоминания, которые все лишь он один и скрепляет безмолвно. Причудливо переплетаются тихие эти разговоры с моими мыслями, как наяву слышу недавние долгие наши беседы зимними вечерами.

– Да-а, только вот на похоронах все вместе и собираемся… Что тут сделаешь – жизнь…

– Он с войны-то пришёл израненный, не совсем ещё поправился, – вступает дядя мой по материнской линии, благообразный, с бородкой, замолкает ненадолго, словно вглядываясь мысленно в те далёкие дни. – А ребятишек – вас вот – кормить надо. На сенокос к нам в деревню приезжал, к отцу моему, у нас угодий поболее, просторней в далёкой деревушке нашей.

– И я помню, как в 46-м приезжал он к нам в аул, – это племянник отца, постарше нас намного, делится воспоминаниями. – Ещё от ран не оправился, худущий, гимнастёрка и галифе болтаются, как старый чапан на огородном пугале, – а весёлый, взбудораженный, – сам, видно, ещё не мог поверить, что вернулся. Долго разговаривали, всю ночь пили дядя с моим отцом бражку и разговаривали. А то начинали петь – ох, как они пели! – и «Сары, сары, сап-сары» пели, и «Сандугач», и ещё много песен народных старинных, а за стенкой мама и её младшие сёстры, тётки мои, то плакали, то молились. И чего реветь – вот же они – и отец, и дядя, – живы-здоровы, сидят, поют, смеются...

…Палатка. Гордость наша с братовьями. Офицерская плащ-палатка, что привёз батя с войны – мы с братьями все в ней по очереди в «войнушку» играли. Бывало, и забывали её под открытым небом вплоть до следующей игры, а ей всё нипочём было, никакие дожди-непогоды палатку не могли испортить, – и что это за материал такой был? А в «мирное» время мы в ней от дождя прятались, когда наша очередь была скот пасти. Куда она делась после – не вспомнить уж. Жалко.

…А медали и ордена? Мы ими с братьями частенько «награждали» друг друга при игре, и отец не возражал. Так и потеряли большинство медалей, похоже. И почему отец разрешал нам играть наградами, дети же – непременно растеряют? – Непонятно. Но что не от пренебрежения – это точно. Теперь спросить не у кого, а тогда мы и не спрашивали. Или не отвечал отец – не помню. Один раз только, помнится, обмолвился: «Медали эти больше не я заслужил, а те солдаты наши, что в земле лежат. Потеряете – в землю медали и вернутся». Да разве мы тогда прислушивались, спеша усвистать скорей на улицу и хвастать там солдатской славой на зависть ребятам!..

– Отец, расскажи о войне! – бывало, просили мы в детстве. И притихнем, приготовившись слушать о жестоких боях, о подвигах, о разведке и поимке «языка». Отец, кажется, соглашается наконец:

– Ползком, по-пластунски, тихонько пробираюсь мимо часового, ни в коем случае, приказано, нельзя себя обнаруживать…

Затаив дыхание, слушаем. Но оказывается, в итоге, что проползал батя мимо своего же ротного дневального, – чтобы в самоволку сбежать. А вся героическая операция – поход тайный в город, где подрядился он починить печь майору-интенданту. Мастеровитый, привычный к любой работе, переложил печку за ночь, и вот возвращается таким же макаром мимо часового, но не с «языком», а с двумя буханками хлеба и шматом сала для оголодавшего на скудном тыловом пайке отделения – отведена часть в тыл для пополнения после кровопролитных боёв.

– Ну что, чем вам не подвиг фронтовой, а, бойцы? – хитро смотрит смеющимся глазом на наши вытянутые от разочарования рожицы, – ну какой же это подвиг – починка печи, опять посмеялся папка…

Мужики слегка оживились, заулыбались, стали вспоминать всё какие-то смешные случаи с участием покойного, причём поминался ими покойный легко, беспечно, словно живой он, отлучился только недавно, недалеко и ненадолго – отлучился ненадолго и скоро вернётся, подтвердит всё о нём сказанное и вместе со всеми улыбнётся забавным тем байкам…

Некоторое время слышно только сосредоточенное хеканье взмахивающих лопатами да шуршание выбрасываемой наружу земли. Задумались каждый о своём.

– Отец, а почему в детстве, когда мы просили рассказать о войне – ты всё вспоминал какие-то курьезные, смешные случаи, а всерьёз ничего не рассказывал?

– Да особо нечего было рассказывать. Война – она в кино красиво, интересно смотрится. А там, на фронте – одна, почитай, работа надсадная. Землицы родимой сколько перерыли – и-и, алла! А бои? Были и бои, и атаки были, – да там, в атаке, себя не помнишь – бежишь да стреляешь. Потому что знаешь – надо! А выжить я и не надеялся, может, потому и жив. Выполняй приказ, сжав зубы – и будь что будет. А те, кто выжить стремился, те первыми и погибали. И о подвигах как-то не думалось – какие подвиги, кому как уж повезёт, после боя и не вспомнить толком ничего. Жить хотелось, конечно, – молодые же мы были – но тут уж кому какая карта ляжет…

– А красивый всё же памятник выделил военкомат, верно, брат?

– Да, красивый. Военком по моей просьбе распорядился выгравировать и полумесяц. Хороший человек.

Военком ещё молодой, на майорском кителе – ордена не той, отгремевшей, – другая война ему досталась и напоминает о себе скрипом почти незаметного глазу протеза, пошутил не очень весело:

– Экий хитрый, однако, татарин – вон, даже на памятнике – и луна ему, и звезда – целый небосвод…

Под луной и звездой на памятнике, сером гранитном камне, – лишь имя-фамилия, даты жизни и простая, строгая надпись: «Защитнику Отечества». Последний рубеж солдата, – под своим личным и нашим общим небосводом.

Кладбище у нас на высоком речном берегу, подле соснового бора. На этом берегу – бор, а на другом, тоже крутом, высоком – берёзы, вблизи берега – поодиночке и группками, милые, а дальше – сплошным частоколом белоногим. Как по весне нежно шумят молодой листвой, жарким летом – тень, прохладу дарят, а осенью – как буйно горят осенью золотом червоным берёзы! На самом взгорке, отдельно – пара растущих рядышком, они всё в одном возрасте – не старятся, уж полвека за ними наблюдаю – всё те же, во всесильной своей зрелой поре, родимые, – одномоментно вспыхивают по осени, разом – салютуя обелискам на другом берегу. Меж скалистых берегов – речушка, небыстрая, неприметная, журчит хлопотливо, в свой срок подо льдом замирает, вовремя же бушует половодьем, – обыкновенная, каких у нас не счесть, речушка. Пусть вечно смотрятся в неё памятники на крутом берегу, неотделимые от неба, солнца и звёзд, частью бессмертия ставшие.

– А так ли прожил, отец, как мечталось? Удовлетворён ли ты?

– Да о чём, улым, крестьянину мечтать? Придёт весна – сеять нужно, поспеет урожай – убирать. Да детей, вас вот, вырастить. Людьми вырастить. Нет, сынок, мне обижаться не на что – жизнь прожил

я счастливую, хотя, наверное, и трудную, – ну, да всем нам трудное время досталось. А после войны, однако, и бахыт – благоденствие видели. Да и не в благополучии смысл, сынок…

– А в чём же, отец?

– Ну вот, ты книг-то вон сколь прочёл, – не враз и пойму я твои слова мудрёные, – а меня, малограмотного, спрашиваешь… Подумать мне нужно. Наверное, смысл в том, чтоб жить в согласии с самим собой, жизнью своей родины жить…

…Не прощу себе, что в последний день, когда отец попытался сказать мне своё напутственное слово, над которым долго думал, сказать что-то очень важное, жизненно важное, что-то определяющее, передать мне знание, которое даётся людям только как результат долгой и многотрудной жизни, то самое Знание, до которого мне ни за что не дойти своим умом, – в тот краткий час временного облегчения, обманутый относительно здоровым видом прежде тяжело больного старика, я не был внимательнее, – заболтал, затушевал, затуманил ненужным бодрячеством: «Да ты у меня совсем джигит сегодня!», или: «Мы, отец, ещё повоюем!» и тому подобными, приличествующими, казалось, у постели умирающего оптимистическими благоглупостями отвлёк, утомил отца, намеревавшегося озвучить для меня, в сущности, своё духовное завещание… Отец слабо махнул рукой, затих, – уснул, кажется, а я отправился по делам.

В тот день отца не стало. Думай теперь, что хотел сказать он в последнюю минуту, думай, бодрячок этакий…

На мусульманских похоронах женщины непосредственно на кладбище не присутствуют, – может, и к лучшему – без лишних слёз обходится. Как в песне поётся: «На братских могилах нет плачущих вдов…» Оттого и происходит всё гораздо сдержанней. Мулла с помощником своим прочли полагающиеся молитвы – древние, как мир, на древнем непонятном языке полились тягучие песнопения, освященные веками слова пронизывали прохладный воздух весеннего утра. Внимали все присутствующие, соединив перед лицом ладони, и завораживающие формулы молитвы будили в каждом нечёткие величественные образы прощания. Прощай, солдат.

…Ночи стоят ныне холодные, кристалльные, как и той памятной весною. Выйду за калитку – постоять под высоким небом, усеянным звёздами, сияющими об эту пору особенно ярко, отчётливо; голубым своим сиянием освещают совместно с наливающимся неудержимо лунёнком-полумесяцем притихшую деревню спящую, голые, без куржака-инея и без листьев ещё деревья и кусты. Тихо в мире, трепетно. Я один стою, кажется, – один во всём ночном тишайшем благословенном мире стою, запрокинув лицо в небо; один, но не одинок, – потому что здесь они – незримо, но надёжно, нерасторжимо и слитно, по-солдатски – отец, дядя Шамиль с зайчонком, уснувшим на руках, соседи и друзья отца – фронтовики, все сплошь молодые, навечно молодые – неразличимо уже, смутно угадываются стройные их шеренги, не нам, не себе – вечности принадлежащие.

Второе место (серебро) и звание лауреата. **Можаев Александр Николаевич** – родился в 1956 году на хуторе Можаевка Тарасовского района Ростовской области. Окончил сельскохозяйственный

техникум, работал скотником, комбайнёром, механизатором. В 1983 году М. А. Шолохов дал молодому писателю рекомендацию в Литинститут им. А.М. Горького, который он окончил в 1989 году. Сегодня это известный писатель России. Лауреат Шолоховского конкурса 2005 года. Член Союза писателей России.
Живёт на хуторе Можаевка.

Лёха Гроза

– Лёха, – представился он, заходя ко мне в дом.

Не Лёша, не Алексей, а именно «Лёха». Лёха приехал из Барнаула. Трое суток в пути... Не успел скинуть рюкзак, уже спрашивает:

– Когда переход?

– Когда на той стороне добро дадут. Умывайся, садись за стол.

– А «на той стороне» могут добро не дать?

Лёха по-детски нетерпелив и наивен.

– Дадут... – улыбаюсь я.

Лёха высок ростом, худощав, немного сутуловат, но это его не портит. Ходит вразвалочку, вроде бы не спеша, но движения выверены и скоры. Губы его постоянно кривятся, так что сразу и не понять:

это улыбка или гримаса недовольства, шутит ли он, или серьёзен. Но стоит присмотреться к нему, заметить, как в его серых быстрых глазах играет неуёмный задор, и уже не важно – шутит ли он, или говорит серьёзные вещи, хочется улыбаться в ответ.

Мы напряжённо ждём звонка с «той стороны», бродим по двору, определяя время, поглядываем на солнце.

– Дядь Сань, хочешь, научу тебя метать ножи? – неожиданно предлагает Лёха.

– А топоры? – усмехаюсь я.

– Ух! Надо попробовать! – восхищённо восклицает он, и, достав из колоды топор, начинает сосредоточенно раскручивать его в руке.

– Обожди, Лёха, я отойду подальше, а то не с кем будет тебе идти.

Топор летит в ствол сухого караича и, звякнув, отлетает в сторону.

– Ах! Не встрял... – досадует Лёха, и тут же себя успокаивает. – Но всё равно, если так влупить, можно и обухом пришибить! Верно?!

– Наверняка! – улыбаюсь я.

– Лёха, а семья у тебя есть? – спрашиваю я.

– Мамка...

– Знает куда подался?

– Да ты чо!.. Сказал, что поехал на заработки...

– Приедешь без денег, что скажешь?..

– А-а... впервой что ли без денег возвращаться... – кривятся в усмешке Лёхины губы.

«Добро» дали далеко за полдень. Больше всего не люблю это время, – продвигаясь вперёд, смотришь на солнце, щуришь глаза и не всегда замечаешь опасность. Нас же в это время легче всего рассмотреть с вытянувшейся вдоль реки горы. Когда мы вышли из леса и переходили небольшую поляну, с холма нас заметил снайпер и стал стрелять. Расстояние до нас было большое, шли мы быстро, поэтому попасть по нам было нелегко. Но когда в нескольких метрах от нас щёлкнула пуля, Лёха искренне удивился.

– Это по нас, что ли?! – воскликнул он.

– Может быть и Понас, а может и Тарас, кто его знает... – отшучиваюсь я, и, переходя на бег, увожу Лёху в рощу, где нас уже не заметить.

На опушке леса из высокого раскидистого куста пижмы, мелькнув своим рябым оперением, выскочила фазанка, словно приглашая посостязаться с ней, неспешно побежала в сторону. Путаясь в траве, Лёха бросился догонять её. Фазанка ловко увернулась и снова свернула с пути.

– Лёша, не гонись, – смеюсь я. – Она тебя от гнезда уводит.

Осторожно, словно боясь ещё кого-то спугнуть, Лёха крадётся к кусту пижмы, заглядывает внутрь.

– Дядь Сань, тут аж пятнадцать яиц! – восторженным, полушепотом восклицает он.

Без улыбки наблюдать за ним не возможно.

– Дядь Сань, а она вернётся?

– Вернётся, – смеюсь я. – Конечно вернётся!..

Вновь повидаться с Лёхой пришлось уже в Луганске, в расположении ГБР. Увидел его в неподходящий момент. Мы сидели с Жекой на лавке и наблюдали, как один из командиров, по погонам было видно, что ротный, распекал Лёху за то, что он поделился молоком из пакета с приблудившейся дворнягой.

– Люди жизнью рискуют, тягая из России это молоко, а ты его собаке скармливаешь!..

– Ну, я имею право на это молоко? – огрызался Лёха.

– Ты имеешь. Потому тебе и выдали...

– Ну, считай, что я его выпил...

– Ты его не выпил, а собаке скормил!..

Облизываясь, и благодарно помахивая хвостом, собака с одинаковой преданностью переводила свой взгляд то на своего благодетеля, то на гонителя.

– Хрен ваше отделение получит в следующий раз, а не молоко... – уходя, пообещал ротный.

Лёха, подождав, когда тот отойдёт подальше, достал из кармана пирожок и разделил на себя и собаку.

– Не ссы, собака, со мной не сдохнешь, – пообещал он.

– Лёха! – наконец окликаю я.

И Лёха, и его псина одновременно вскинули головы.

– Дядь Сань!.. – не скрывая радости, завопил Лёха.

В два прыжка он достиг нашей лавки, и, обхватив меня своими длиннющими руками, едва не сшиб на землю.

– А я ещё вчера смотрю – с Бэтменом в штаб идёте... Думал, обознался... Нет!..

– А ты, Лёха, я смотрю, уже обжился здесь, хозяйство завёл, – кивая на собаку, шучу я.

– Да... дядь Сань... Народ с города сдрыснул, собак побрасали... Куда им?.. А это умная псина. Я как на пост заступаю, всегда с собою беру. Она чужого за версту чует, и мне спокойно...

– Мы с Тарзаном на посту, он не ссыт и я не ссу, – смеётся Жека. И, кивая на Лёху, говорит мне: – И учти, он теперь не просто Лёха, а Лёха Гроза!

– Крутой позывной!

– А ты думал! Это тебе не хухры-мухры – гроза танковых колонн! «Гроза» это даже не позывной – звание! – смеётся Жека. – Они как из-под Вергунки пришли, Бэтмен всех построил и объявляет: «Гроза танковых колонн Лёха, выйти из строя!» Лёха – ать-два! Руки по швам, нос выше крыши... – «Обьявляю благодарность! Молодцы! Стояли на месте и... победили!» Бэтмен он хоть и любит шутить, но не всегда...

– Ну и язва ж ты, Батя... – без обиды говорит Лёха. – Мёда не надо – дай подширнуть…

– Какай «подширнуть»?! Танковую колонну одной «мухой» сожгли?!.

– Не только «мухой», у нас ещё и «шмель» был! – наконец приняв игру, смеётся Лёха.

Жеку вызвали в штаб, и мы с Лёхой остались одни. Я жду от него рассказа, но он кряхтит, вздыхает, треплет за холку собаку, всё не может начать.

– А помнишь, дядь Сань, когда мы переходили, нас чуть снайпер не шлёпнул?.. – зачем-то вспомнил Лёха.

– Чуть не считается, – улыбаюсь я. – «Чуть» меня каждый день шлёпают и ничего... Не каждый тот мужчина, кто когда-то в кого-то стрелял, но каждый в кого стреляли...

– То так... А я, честно сказать, тогда маленько перетрухнул, – признался Лёха. – Думал: сейчас тюкнут в темечко, и не успею повоевать за Россиюшку...

– Уже повоевал?

– Повоевал... Вон, Батя подначивает... А я что виноват, что всё так произошло?..

Лёха то хмурится, то сам себе усмехается.

– Так что ж там случилось?

– Дядь Сань, я до сих пор под балдой, от того, что видел... – начал свой путанный рассказ Лёха. – Я ж в срочную сержантом был... Кое-что помню... Бэтмен назначил меня командиром отделения – девять человек. Половина в армии не служили, половина успели забыть, как автомат разобрать. Выдвинулись в Верхнюю Вергунку вести наблюдение – по два магазина на автомат, «муха» с одним выстрелом, и один выстрел «шмеля»... Расположились на окраине. Рощица маслины. Запах, аж в голове шумит... Солнце... Пчёлы... Так хорошо, мирно... Рядом глубокий овраг, заросший кустарником. «Если прижмут – есть куда нырнуть», – думаю. Залегли в траву. Тихо, птицы поют... В сон клонит... Даже забывать стали, зачем здесь. Вдруг слышим: над головой беспилотник зазудел. До чего противно зудит – так бы и шмальнул по нему, если б увидел. Зудит, гад, а самого не видать... Час зудит, два... Свыклись, стали о нём забывать. Тут слышим гул, и земля под нами зашевелилась. Видим: танковая колонна идёт к Вергунке. Укропские знамёна на башнях... Мы давай связываться со штабом... Рация, телефоны – всё сдохло. Нет связи... А они рядом уж, не более ста метров. Вдруг видим: навстречу колонне выходит милиционер, руку поднял, ноги шире плеч, не сходит с дороги. Стала колонна. Он: я такой-то и такой-то, участковый такого-то отделения... По такому-то закону бронетехника не имеет права входить в населённый пункт... Не успел договорить, застрелили его...

– Имя помнишь?

– Чьё?..

– Ну, участкового этого... Он же представился?..

– Представился... Я тогда своё имя забыл, не то что... Да он и не наш, не с ополчения. Сам по себе... Я со «шмеля» шмальнул. Промазал. «Муху» хватаю... Попал... Да «муха» она и есть муха, только искру на броне высекла... Тут они нас заметили, стали из «утёсов» гасить. Подрываемся и в овраг... Слышим звяк гусениц. Сейчас к оврагу подъедут, зачистят нас... Уже с жизнью прощаемся, как вдруг звук какой-то... Как будто пчелиный рой. Не понять, откуда, вроде как отовсюду и всё сильней и сильней... Как начало жахать! Высунулись – танки один за другим взрываются!.. Что там было!.. Всё горит, башни летят... Уцелевшие укры автоматы побросали, прыгают к нам в овраг, мычат, сказать ничего не могут... Тут связь появилась. Бэтмен звонит: – «Все целы?» – «Все...» – «Молодцы! Победили!.. Возвращайтесь в расположение.» – «А пленных куда?» – «А вы ещё и пленных взяли?» – «Человек тридцать... Сейчас пересчитаем...»

Лёха умолк, потом, мотнув головой, рассмеялся нервным, без признаков веселия смехом.

– А эти сейчас подкалывают…

– А «Гроза» – неплохой позывной, – обняв его за всё ещё трясущиеся плечи, говорю я.

– Ничего, – пожимает плечами Лёха, и в губах его уже шевелится привычная усмешка.

Когда я уходил, он прокричал мне вслед:

– Дядь Сань, а фазанка вывела фазанят?

По краю опушки, там, где был когда-то пижмовый куст и гнездо фазанки, прошла танковая колонна ВСУ, перепахала траками дёрн, так что и прежнего места уже нельзя было отыскать.

– Вывела… – махнув ему рукой, крикнул я. – Кто ж ей помешает…

Погиб Лёха через два дня под Металлистом. Его тело отбили лишь через сутки. Едва опознали. У него были выколоты глаза и отрезаны уши, и только окровавленные губы на обезображенном лице, казалось, всё ещё кривились в усмешке.

* * *

Осенью мне позвонила незнакомая женщина.

– Я Поспелова Валентина, – представилась она. – Мать Лёши Поспелова. Я разыскиваю его уже полгода… У телефонных операторов взяла распечатку его звонков. Последний звонок был вам… 22 мая…

Я растерялся, и не знал, что ей ответить.

– Я догадалась, что он там, в Луганске… – после долгого молчания сказала она. – Вы что-нибудь знаете о нём?

– Нет… – охрипшим голосом соврал я, не зная, как можно сообщить ей всю правду.

– Вы последняя моя надежда… Найдите его… – просит она.

– Найду… – обещаю я.

Прошло уже много времени, а я с трепетом всё жду и жду её нового звонка. Но она не перезванивает. Наверное, уже нашла…

Третье место и звание лауреата. **Павлова Ольга Геннадьевна** – родилась на Урале. Окончив Пермский политехнический институт, работала инженером. Занималась общественной и благотворительной деятельностью – возглавляла общественное женское движение Прикамья. Победитель литературного конкурса «Золотое Перо Алтая – 2018». Победитель (дипломант) нашего конкурса 2021. Живёт в городе Барнауле.

Людоед

Несравненный дар – могучая стойкость
души. С нею в жизни ничего не страшно.
Архилох, древнегреческий поэт.

01.20. По связи поступил приказ командира взвода – отступать. Был выделен только час на эвакуацию. Ровно через один час, будет открыт на десять минут коридор, чтобы выйти из окружения. К этому времени к ним прибудут два грузовика. Для охраны отхода маленькой колонны выделили даже танк.

Алексей Иванович Пушков, сорокапятилетний командир подразделения с позывным «Удав», получив приказ об отходе, мигом оценил ситуацию и пришёл к неутешительному выводу. Спасётся только человек десять, не больше. Остальные, пятнадцать, погибнут, как те пять, что уже лежат в соседнем окопе.

– «Времени не хватит, чтобы вывести всех из-под огня. Ребята отбивают четвёртую атаку. Наш БТР подбит. Со стороны противника не смолкают гранатомёты АГС. Как бойцы выдерживают натиск, не понятно. Хотя, всем всё давно понятно. Они понимают, что будут тут умирать, и к этому готовы», – промелькнуло в голове у Пушкова.

Неожиданно откинулся брезентовый полог и в землянку ввалился двухметровый огромный великан с позывным «Людоед», который уже два месяца как прибыл на передовую. Алексей Иванович старался реже стоять рядом с ним в присутствии других, т.к. со своим маленьким ростом он начинал внутренне комплектовать, глядя на подчинённого снизу вверх. Да и молчаливый характер рослого здоровяка раздражал командира.

– «Разрешите доложить, принёс «Барсука», ранен осколочным. Отправляюсь к своим», – отрапортовал боец, на груди которого висел готовый продолжать бой автомат.

– «Отставить! Задание такое, срочно беги вдоль линии огня и всем передать приказ тут же уходить, оставляя позиции. Противник наступать в темноте, и без приказа, не решится. А нам дан только один час на эвакуацию. Через час на передовой никого не должно оставаться. Всем прибыть сюда в течение этого времени. Сейчас жизнь ребят зависит только от тебя, сколько их спасётся. Связь не работает. Давай по карте покажу нахождение огневых точек. Сам пробегу две ближайшие позиции, что слева расположены от меня, чтобы предупредить об отходе, а остальные десять, что расположены справа – на тебе», – решительно дал команду рядовому «Удав».

Через минуту он уже думал о том, что и как нужно срочно сделать к эвакуации до прихода автотранспорта. А дел было много – подготовить раненых к транспортировке, убитых оставлять тоже было нельзя. Необходимо загрузить оставшиеся боеприпасы и то, что подлежало сохранности.

– «Лишь бы «Людоед» успел как можно больше бойцов предупредить. Хотя шансов мало, слишком растянута линия огня. Вряд ли он поспеет по времени к отправке вместе с ребятами, что отбивают атаки на дальней огневой точке. Потери в войне неминуемы. Жаль парня. А сейчас надо самому бежать к ближайшим огневым расчётам, сообщить об отходе. Потом вместе с ними начинать быстро загружать машины, которые прибудут через полчаса», – мелькал обрывками план действий в голове у выскочившего из землянки «Удава». Временами, пригибаясь от летящих снарядов и пуль, заскакивая то в окоп или воронку, командир подразделения бежал к двум огневым точкам, где сейчас шёл ожесточённый бой.

01.50. Кирилл Корольков, позывной «Людоед», временами в темноте спотыкаясь, бежал изо всех сил, хотя понимал, что их надо беречь. Правильно распределять. Ранее он этому учился на своём военном опыте, когда участвовал в марш-бросках. Но прошло уже десять лет, сказывался возраст и

отсутствие постоянных тренировок. Да и работа директором кладбища расслабила. Деньги имел хорошие. Можно было «жить, и не тужить», но спать не давали поступающие новости. Погибали молодые ребята, которые не имели боевого опыта, как он, ранее отслуживший два года по контракту в «горячей точке». Незаметно потерял сон от переживаний. Не мог уже наблюдать, как хоронят на его кладбище погибших парней и на слёзы их матерей. Проще было пойти и записаться добровольцем.

Отделение было разбито на группы по двое бойцов, которые держали оборону, укрепив свои огневые позиции. Уже предупредил пять точек, десять ребят ушли к месту эвакуации. Осталось ещё десять человек отозвать с линии огня. «Людоед» ускоряет бег. Впереди противник ведёт усиленный обстрел наших позиций.

В висках начинают стучать молоточки, пот постоянно заливает глаза. Не отвлекаясь на объяснения, бросает приказ командования бойцам уже на седьмой огневой точке и продолжает бег, под шквалистым огнём врага. Если бы ни хорошее зрение и умение прекрасно ориентироваться на местности, что было ему дано от природы, вряд ли добежал бы и до них, удерживая этот темп.

Стараясь контролировать дыхание, Кирилл ещё больше увеличивает скорость передвижения. Временами, бросая взгляд на наручные часы, понимает, что может не успеть вывести всех к указанному времени. Осталось спасти ещё шестерых.

– «Беги, Кир, ещё быстрей беги, ты можешь. Уже не так далеко осталось, должен успеть. Боже, если ты есть, помоги мне всех их вывести, прошу тебя! Дай мне крылья, останови время! Сделай же что-нибудь!» – не замечая за собой, мысленно молится «Людоед», взывая к Небесам. Стиснув зубы, уже не пригибаясь, он перемахивал прыжками через окопы и воронки. На фоне света от летящих снарядов и пуль, казалось, что его огромная фигура, перемещаясь, как бы парила над землёй.

02.18. Под руководством командира подразделения, выстроились две загруженные машины. Перед ними стоял готовый рвануть вперед танк. Пушков был доволен, пять минут назад прибыли ещё двое пулемётчиков. В неизвестности остался последний расчёт, с самой дальней огневой точки. Ребята, что отбивались от атаки по соседству, рассказали, что там, под шквалистым огнём, вряд ли кто смог выжить.

– «Жаль, если с ними погибнет и «Людоед». Хотя может с его смекалкой и силой сумеет выйти окольными тропами из «котла». Уже медаль заслужил, почти всех ребят успел вывести», – тихо радуясь количеству спасённых бойцов, «Удав», закончив посадку оставшегося подразделения, поднялся в стоящую последней машину. Ждали сигнальной ракеты, чтобы двинуться в прорыв по трассе, которую постоянно обстреливал враг.

Ночь была тёмная. Луна скрылась за тучами, как бы давая надежду на жизнь каждому из тех, кто час назад её не имел. Вдруг снайпер с позывным «Штиль», передал «Удаву», что в прицел винтовки прослеживается движение справа. Все замерли. «Неужели враг решил атаковать?» – была одна и та же мысль у каждого из них. Долгожданной ракеты, сигнала о начале прорыва всё ещё не было.

Через несколько секунд с машины увидели бегущие к ним две фигуры. Одна из них прихрамывала, а рядом – великан, поддерживающий его, нёс на своей спине ещё одного человека.

Десяток рук подхватили их и внесли в машину. «Бельчонок» был без сознания. Им тут же занялась медсестра, что прибежала с первой машины. Второй пулемётчик, просто стёр ногу, поэтому хромал. А «Людоед» сразу забился в угол, и мгновенно уснул, что всегда с ним бывало и ранее, после

перенесённого сильного стресса.

02.22. Он не видел ни сигнальной ракеты, не слышал отвлекающей врага канонады нашей артиллерии, не ощущал дикой тряски несущейся с огромной скоростью по колдобинам машины. Он спал как младенец. Рядом с ним пристроился «Удав». Пушков смотрел на спящего и спрашивал себя, кто этот человек, которого он не замечал ранее? А человек ли он? Смог ли человек сделать то, что сейчас сделал этот великан, под таким странным для всех позывным?

– «Завтра же попрошу в штабе представить его к награде. Как, как он смог это сделать? Ведь человеку это не под силу. Преодолеть такое расстояние за столь малое время и всех спасти. Может он Ангел в человеческом обличии? Ангел во плоти? Не хочешь, но поверишь и в такое на войне. Что за чудеса происходят?» – командир подразделения заботливо прикрыл «Людоеда» стареньким одеялом, случайно оставленное кем-то в машине до них.

02.28. А Кирилл крепко продолжает спать. Временами в его сон прорываются обрывки воспоминаний из прошлого.

Вот в сновидении всплывает дедова изба, сибирского егеря. В «красном углу» стоят иконы. Бабушка временами зажигает лампадку. Там же стоит его, Кирюшкина, фотография, а рядом – дедова. Приезжали из области корреспонденты какой-то газеты, готовили репортаж ко Дню Победы. Засняли деда при параде, с медалями и орденами. Позднее, бабушка от редакции получила эту фотографию. По почте прислали. В рамочку оформила, а потом к иконам снимки внука и мужа поставила, чтобы святые их защищали и охраняли.

А вот Санёк снится, сын сестры, который просит его на ночь прочитать сказку «Кот в сапогах». Просто так уснуть не может, набегался ребёнок за день.

– «Дядя Кир, а ты ведь больше и сильнее, чем людоед? Ты же победишь его?» – пятилетний мальчик с надеждой смотрит на родного двухметрового великана и после торжественных обещаний о победе, спокойно засыпает.

Но сон всё не кончается. Опять Киру по приказу надо куда-то бежать, бежать быстро, успеть кого-то спасти. Времени остаётся всё меньше и меньше. Главное – успеть. «Дыхание, в дыхании не сбиваться», – даёт он себе установку и продолжает ускорять бег.

Корольков Кирилл, с позывным «Людоед» спит, не зная, что впереди у него ещё долгая жизнь. Жизнь, за которую он успеет вырастить двух сыновей и трёх внуков, как нагадала ему однажды цыганка во время работы на кладбище. А пока он спит, продолжая во сне всё быстрее и быстрее бежать, помогая кому-то выжить.

До полной победы оставалось еще двадцать девять месяцев или восемьсот восемьдесят три дня.

Третье место (бронза) и звание лауреата. **Кривонос Сергей Иванович** – родился в 1963 году в поселке Сосновом Сватовского района на Луганщине. Окончил Луганский Педагогический институте им. Т. Г. Шевченко. Работает в редакции газеты «Новини Сватівщини», последние 8 лет — главным редактором. Член Межрегионального Союза писателей, Международного сообщества писательских союзов, автор 16 поэтических сборников (для взрослых и детей). Его работы печатались в журналах и сборниках, выходивших в Луганске, Донецке, Киеве, Москве. Живёт в г. Сватово, ЛНР.

Кошечка

Опять стреляют. Надо спускаться в подвал. Вместе с внучкой, конечно. Она сейчас без родителей – за границей на жизнь зарабатывают. Игнатовна засуетилась.

– Олечка, быстрее одевайся, в подвал побежим.

– Бабушка, как же мы побежим, ты бегать не можешь, – с детской откровенностью возразила четырехлетняя малышка .

– А я вот постараюсь и быстро спустимся.

– Бабушка, я не хочу, там сыро, холодно, дома лучше.

– Знаю, что лучше, но опасно.

На улице громыхнуло. Потом еще раз. После третьего разрыва по стенам угрожающе пробежала

дрожь, которую ощутило и бабушкино тело. Игнатовна приоткрыла окна, как советовали, – чтобы стекла не вылетели.

– Олечка, быстро уходим, больше ждать нельзя.

Малышка, испугавшись громких разрывов, теперь уже без всяких возражений быстро оделась и вдвоем с бабушкой они начали спускаться в подвал. Сердце Игнатовны учащенно колотилось, да и давление, похоже, не удержалось на допустимом уровне. Но благо идти не так далеко, живут на втором этаже.

Ну, вот и подвал. Там уже человек 30-40 жильцов. С сумками, одеялами, некоторые прихватили стульчики или табуретки. В подземелье спокойнее, да и люди рядом, от этого чуточку легче на душе. А наверху орудийный грохот все ближе к дому подбирается – как будто громила-великан делает резкие многотонные шаги по земле, сотрясая ее и нагоняя тревогу и страх.

– Слава Богу, успели, – бабушка трижды перекрестилась и погладила внучку по вязаной шапочке. – Не бойся, Олечка, здесь мы в безопасности.

– Бабушка, я и не боюсь, это же ты все время боишься. А я нет, я смелая, – Олечка прислонилась к бабушке и уткнулась в потертый рукав ее далеко не нового пальто.

Люди в подвале разговаривали глухо и настороженно. Чуть поодаль беспокойно срывался на лай пес, которого хозяева прихватили вместе с собой.

«Да, животных тоже надо спасать», – подумала Игнатовна, оглядывая собравшихся.

– Бабуля, мы же кошечку не взяли, – громко выкрикнула Олечка и с надежой посмотрела в бабушкины глаза. – Пойдем заберем, она во дворе осталась.

– Что ты, Олечка, какая сейчас кошечка, надо сидеть и не выглядывать.

– Но она же может погибнуть! – тоненький жалобный голосок внучки отозвался в душах всех собравшихся.

– Кошечка маленькая, в нее не попадут, – успокаивающе возразила бабушка.

– Но мы же спрятались, и ей надо быть спрятанной, – не успокаивалась Олечка.

– Вот как только стрелять перестанут, так и пойдем заберем кошечку, – бабушка снова постаралась успокоить внучку.

Олечка затихла. А во дворе резко грохнуло и тут же раздался еще один разрыв. То ли это было эхо, то ли подряд две мины разорвались.

– Господи, пронеси мимо, – прошептала рядом стоявшая женщина.

Бабушка повернулась к ней:

– Не так за себя, как за детей страшно, а за внуков еще больше. Дети-то за границей оказались, а мы вот с внучкой бегаем по ступенькам, спасаемся.

С верхних этажей спускались все новые и новые люди. Становилось тесновато.

– Бабуль, дайте пройти, – мужчина лет сорока протискивался вперед, стараясь подыскать место поудобнее и ведя за собой семейство.

– Проходите, пожалуйста, – Игнатовна посторонилась. Вслед за семейством прошло еще несколько мужчин и женщин, поневоле оттесняя бабушку в сторону.

Наверху раздался оглушительный взрыв такой силы, что люди, находившиеся в подвале, поневоле пригнули головы.

«Боже, где же моя Оленька!» – Игнатовна всплеснула руками, увидев, что рядом нет внучки. Неведомая сила понесла ее по ступенькам наверх. «Быстрее! Быстрее!!!» – мысли гнали только в одном направлении – к выходу. Что там давление, что больное сердце, перед галазами – малышка-Оленька. Ну, вот и последняя ступенька. Бабушка распахнула дверь подъезда и вмиг стала каменной – возле входа лежало окровавленное тело внучки, держащей в руках перепуганную кошечку.

Звания дипломанта. **Елизавета Осень** – это литературный псевдоним прозаика и поэта. Родилась 13 декабря, её родной город г. Алчевск Луганской Народной Республики. Окончила в Ростовский-на-Дону политехникум связи. Публикует свои прозаические и поэтические произведения на интернет порталах Проза.ру и Стихи.ру. И не только.

Живёт в г. Алчевск, ЛНР.

Они ещё вернутся

«Оценив последствия немецкого прорыва фронта на Воронежском направлении, Ставка Верховного Главнокомандования разгадала стратегический замысел немецкого командования и 6 июля 1942 года приказала отвести войска Южного фронта на рубеж Денежниково-Трехизбенка-Красный Луч.
В ночь на 7 июля войска фронта начали организованный отход.
С 8 июля немецкие войска начали преследование войск Южного фронта силами 6-й армии и 1-й танковой армии.
Разгорелись ожесточённые бои, но прорвать оборону Южного фронта вермахту не удалось. Войска достаточно организованно отошли и упорно оборонялись на новом рубеже.»

«Так случилось – мужчины ушли,
Побросали посевы до срока.
Вот их больше не видно из окон –
Растворились в дорожной пыли.»
В. Высоцкий

Солёный едучий пот заливал их воспалённые от недосыпания глаза, делал жёсткими на ощупь выгоревшие на пекучем солнце гимнастёрки.

Вся Васильевка, от мала до велика, высыпала на улицу, когда, шагая стопудовыми от усталости ногами, наши солдаты отступали в сторону Трёхизбенки. Стоял жаркий июль 42-го.

Молча шагали солдаты, молчала улица. Чуя беду, притихли даже малые дети, вцепившись в материнские юбки. Осунувшиеся солдатские лица были черны от солнца и горечи.

Так и прошагали бы молча бойцы, если бы не очнулась, не встрепенулась высокая, дородная тётка Нюрка, даже в войну умудрившаяся не расстаться со своей пышнотой.

– Бабы, подкормить бы их чем!

Застывший строй жителей ворохнулся, зашептался, кто-то побежал в сторону дома.

– От погодьте трОшки, хлопцы, передохнИть, водички попейте!

– Полчаса! – прохрипел чей-то командный голос.

Строй распался, потянулся в сторону палисадников, в тенёк.

И не отдал бы командир такой команды, потому, что даже на самый малый отдых времени совсем не было, позади пёр немец, и не отдал бы командир такой команды, если бы не знал, что впереди километры раскалённой дороги под палящим солнцем, на которой боец окончательно вымотается,

выбьется из последних сил.

А придя на обозначенную командованием позицию, нужно еще до боя успеть хоть немного окопаться, потому, что немцы нагрянут самое позднее к завтрашнему утру.

А потому солдат имел право хоть на минутную остановку, хоть на малый перекур.

Сами живя впроголодь, отрывая от детей, женщины тащили что-то из своих запасов.

Столпились у колодца. Старшина, держа в дрожащих от напряжения руках тяжёлую цебЕрку, жадно пил студёную воду, которая заливалась ему за ворот холодя тело, затекала в рукава.

Еду не брали. Молча отодвигали, протянутые узелки с молодой картошкой, хрустким огурцом, хлебом. У кого брать-то? У своих жён, детей, которых бросаешь, отдаешь врагу, у тех, кому и в глаза посмотреть боязно? Еду не брали. Только пили и пили холодную воду…

Принесённую кем-то простыню быстро разорвали на повязки, спеша перебинтовать многочисленные раны служивых.

К пожилому солдату, с добродушным крестьянским лицом, пробрался мальчишка и протянул кисет с табаком, оставшимся от бати, год назад ушедшего на фронт и так и канувшего в лету, без единой о себе весточки…

Протянул кисет, а потом глянув на солдатские руки, которые от винтовочной ложи и от сапёрной лопатки, так задубели, что, наверное, уже полностью и не разгинались, глянув на эти натруженные мозолистые руки, сам из клочка бумаги, лежащей тут же в кисете, начал умело крутить самокрутку. И закончив, застеснявшись, вопросительно посмотрел на солдата, так похожего на отца, посмотрел, самому ли облизнув, заклеить края или это сделает дядько? Боец кивнул головой, хлопец наслюнявил бумагу и склеил.

Взяв цигарку, солдат ласково положил руку на коротко остриженную голову пацана. Они так и не сказали друг другу ни единого слова, такой уж видно день выдался, когда и говорить нечего, всё и так ясно.

Стали строиться.

И только тогда, тётка Марфа, которой с последней почтой принесли похоронку на мужа, только тогда, толи спросила, толи всхлипнула, то, о чём все думали, а спросить не решались, и то, что так боялись услышать бойцы:

– А когда ж вернётесь, сынки?

И проходивший мимо солдат, сбившись с ноги, ласково её приобнял:

– Прости, мать…– выдохнул, дрогнув голосом.

Всё. Немощеная, грунтовая дорога смягчала, заглушала шаги. Всё. Как и не было их тут. Только разлитая вода у колодца. Только пустая цеберка, с которой жадно пил, кусал воду измотанный

старшина. Ушли последние свои.

Не было в глазах жителей осуждения. Знали, что так надо. Ушли не чужие люди. Ушли свои. Мужья, братья. А значит, не бросят, значит, вернутся.

Все ли вернутся? И всех ли застанут?

Снова тишина повисла над знойной улицей. Старая баба Дуся, усохшими от лет губами, шептала молитву, трясущейся от немощи рукой попеременно крестя то себя, то ушедших:

– Святый Боже, Святый Крепкий…

Уже и пыль осела, а все смотрели на дорогу, словно боясь оглянуться назад, туда, откуда, вот как ни видно, появится немец…

Звания дипломанта. **Арестов Анатолий Владимирович –** родился в 1985 году в г. Рубцовске Алтайского края. Окончил агрономический факультет Пензенского Государственного Аграрного университета. Публиковался во многих отечественных литературных журналах, газетах и альманахах, в том числе в журналах «Юность» и «Наш современник». Автор книги в двух частях «В потоке поэзии». Живёт в г. Рубцовск.

Слёзы предстоящего

Утренняя изморозь, первая в сентябре, расписала листы и стебли увядающих трав узором. В нежных лучах солнца блестела кружевная паутина, брошенная хозяином-пауком на произвол судьбы. Грунтовая дорога, разделившая степь на две равных части, изгибалась и терялась за жидкой лесополосой в пять-шесть рядов молодых тополей. Жёлтые листья с червоточинами, серыми пятнами и отметинами, оставленными то ли болезнью, то ли вредителем, покидали родные тополя и летели в степную даль, пытаясь пересечь дорогу, как пограничную зону. Одни листы с лёгкостью перелетали препятствие, другие – шумно катились по дороге, но преодолевали её, третьи – оставались на злосчастном участке, влипнув в оставшуюся после лужи грязь… Красивое осеннее утро! Было бы…

Лязг гусениц танков сконцентрированной человеческой ненавистью прокатился по степи. Степь вздрогнула. Грунтовая дорога превратилась в одно пылевое облако, облако наступавшей смерти. Бронированные машины топтали стальными подошвами русскую землю. Десятки фашистских танков с грозными угловатыми крестами проложили себе путь через лесополосу. Молодые тополя с хрустом ломались и падали, листья, словно снопы искр, ещё долго кружились в воздухе в предсмертном танце и опускались на чёрные глыбы раскуроченной земли. Удалявшиеся в пылевом облаке танки уносили с собой шум. Через несколько часов наступила тишина, лишь иногда доносился хруст доламывающегося тополя или падение ветки. Изморозь растаяла, травы покрылись росой, словно слезами предстоящего…

Золотое поле

Золотое пшеничное поле вызывало надежду на хороший урожай. Тучный колос содержал много зёрен, каждое из которых могло принести на белый свет новую жизнь, новый колос…

Андрей присел на корточки, сорвал спелый колосок, обшелушил его руками, выдул мякину и посчитал зёрна. С агрономической точки зрения всё было прекрасно, наверное, он не был дипломированным специалистом, но по ощущению тяжести и крупности зерна знал точно – урожай будет! Переломив соломину пополам и вставив её между зубов, он сел на горячую почву, почти полностью скрывшись в разыгравшейся под ветром ниве. Любовь к работе, к труду хлебороба, заложенная отцами и дедами, пропитали его кровь ещё с рождения. С малых лет он не только физически трудился на всех видах сельскохозяйственных работ с мужиками-крестьянами, но и подмечал нечто, для многих казавшееся несущественным: как и на какой землице хорошо чувствует себя рожь, сколько зерну овса нужно времени, чтобы набрать сил, какой комок почвы меньше – после плуга или культиватора. Любовь к земледелию пронизывала Андрея насквозь, он не мечтал о больших деньгах, величии и своеобразном статусе учёного, внёсшего вклад в аграрную науку. Нет, он мечтал выращивать хлеб и кормить им голодных…

Как среди ясного неба грянул гром – июнь 1941 года… Наступила кровопролитная и безумная пора в истории человечества – война. Мужчин забрали на фронт, его же оставили, в силу возраста: четырнадцатилетних не брали воевать. На полях он принесёт большую пользу стране, нежели на фронте. Андрей принял на себя ответственность по посеву пшеницы. Собрал немудрёный

коллектив: женщин, стариков и таких же возрастом, как и он, мальчишек и принялся сеять… Испечённый из зерна военного времени хлеб отправляли на фронт, оставляли себе самую малость, лишь бы штаны держались! Но они не держались, и каждый раз приходилось утягивать верёвочку ещё туже. Время лихое, время голодное и беспощадное ко всем! Так пролетело три года. Люди умирали в селе, люди погибали на фронте. Слёзы жён и матерей, кажется, окропили каждую пядь родной землицы, подрастающая пшеница насыщалась болью и страданиями людскими до предела, но она росла и вызревала, потому что в ней нуждались. Многих накормил в эти годы Андрей, не дал умереть, не дал погибнуть… Быстро повзрослел, слишком быстро…

В золоте пшеничных августовских полей скрывалась надежда на хороший урожай. Май 1945 года уже закончился. Андрей, как всегда, присел на корточки, сорвал спелый колосок, обшелушил его руками, выдул мякину и посчитал зёрна. С агрономической точки зрения всё было прекрасно. Переломив соломину пополам и вставив её между зубов, он сел на горячую почву, почти полностью скрывшись в разыгравшейся под ветром ниве, и горько заплакал, зарыдал от скопившейся неуёмной боли за погибших, за выживших, но оставшихся калеками, за чёрствость и злость, царящую в человеческих сердцах. Лишь надежда оправдала себя и грела его сердце, ведь мы победили, страна победила, он победил! Золотое поле – это его награда! Его орден! Его бесконечно дорогая и заслуженная медаль!

Тишина над полем

Старый трактор громыхал и лязгал мотором на краю необъятного поля. Идеально ровная полоса горизонта завораживала и пугала.

Пространство…

Солнечный диск зацепился за край Земли лучами, густая синяя краска неба отступала на запад, забирая с собой блёстки звёзд. Вырвавшийся из объятий ночной мглы самолёт, словно небесный трактор, оставил за собой белую полосу борозды.

В лесополосе птицы пели на разные голоса, но притихли, когда сверху до них дошёл гул самолёта: птичий трепет взял своё, ведь им не суждено подняться так высоко!

Мелкие капли росы на травах, словно птичьи слёзы по неведомому небесному страннику. Травы переплелись стеблями, как множество крепких братских рукопожатий.

Благословенное поле, терпящее терзания ветра, благородно выносило нападки этого проходимца…

Свежие мысли возникали в голове Андрея с самого утра, яркие образы родных мест подпитывали и вдохновляли! Он присел на раму красного культиватора и принялся записывать увиденное и обдуманное в блокнот. Промасленные листы сопротивлялись, не давая синим чернилам пропитать их поверхность; под нажимом мозолистых пальцев сопротивление исчезло, и повиновавшаяся бумага обрастала каракулями и кляксами.

Состояние задумчивости и погружённости в себя прошло, Андрей улыбнулся и пошёл к кабине трактора…

Поле закончилось. Чёрная полоса вывернутой земли, испаряя влагу, нежилась под лучами солнца.

От неё исходил еле заметный пар, словно почва свободно задышала. Андрей закурил, выпустив клуб дыма в серый потолок, и выпрыгнул из кабины на мягкую пахоту. Ноги в резиновых сапогах пригрело солнце, тепло поднималось по телу, он присел на гусеницу, ощущая приятную дрожь. Блокнот наполнился новыми мыслями, разгруженная память предоставила освобождённое место для новых наблюдений…

Ломая кленовую поросль, танк осторожно пробирался к обозначенной командиром точке. Оглушительный рёв двигателя невозможно было нарушить ничем. Всё живое, имеющее голос или возможность издать какой-нибудь звук, не могло превысить количества выдаваемых децибелов. Танк – настоящий агрессор в мире звука!

Многотонная махина вминала в землю всё попавшееся на пути следования. Безусловное превосходство очевидно! Андрей ловко управлял танком, он понимал машину, машина понимала его. Любовь к технике, особенно к дизельным монстрам, появилась в детстве, когда Андрей помогал отцу чинить трактор. Один только блеск отполированной частицами грунта гусеничной ленты приводил его в восторг! Что говорить о работающем в такт сердца двигателе!

Андрей пошёл на фронт добровольцем. Сентябрьская мобилизация закончилась, но ему по какой-то неведомой причине не прислали повестку из местного военкомата, хотя он служил в армии танкистом. Неразбериха и сумятица нового времени, казалось, проникли во все сферы жизни. Следующее двадцать третье февраля поднимет накипевший вопрос о том, кто есть настоящий защитник Отечества, а кто лишь бегунок за её пределы. Собственно, по причине любви к Родине и мужского долга Андрей оказался в бескрайних чернозёмных просторах соседнего государства, прекрасно понимая и осознавая происходящее…

Сколько выстрелов совершил его танк, сколько целей поразил, Андрей уже не считал, главное – экипаж жив, и машина не подводит! Грязь, кровь, скрытый глубоко в тёмных зрачках людей ужас и страх – всё было… Всё есть. Есть время для шуток, сдержанных улыбок и настоящего смеха. Однажды, во время кратковременной передышки, Андрей придумал новую расшифровку аббревиатуре СВО – «Стервятникам Вырвем Оперение», вроде бы ничего особенного и блещущего остроумием, но фраза вмиг разошлась по батальону и за его пределы. Все понимали, что нельзя ни в коем случае падать духом, поэтому цеплялись за любую возможность повеселиться!

Пепельное небо заплакало дождём. Бронированный монстр, ставший другом и братом, покрылся мокрыми пятнами. Идеально ровная полоса горизонта настораживала, но не пугала. Бескрайние степи с густыми посадками, как дома, не вызывали в душе былого умиления и спокойствия.

Андрей опёрся спиной на прохладную броню танка, достал новенький блокнот, который нашёл на дороге возле села, покрутил в пальцах ручку, но ни одной стоящей мысли не пришло на ум, а ведь он хотел написать книгу! Дома лежат три исписанных блокнота, здесь же ни одной строчки… Не до писанины как-то…

Двигатель грозного танка остывал, внутри машины что-то стрекотало, урчало и ухало, разбавляя тишину, остановившуюся над полем…

Звания дипломанта. **Савенкова Галина Михайловна –** родилась в посёлке Чистые Пруды в семье служащих, проживавших в 50-ые годы в доме пастора. Все детство прошло в усадьбе известного литовского поэта. Окончила Калининградскую специальную школу милиции МВД СССР и исторический факультет Калининградского государственного университета. Литературным творчеством начала заниматься в зрелые годы. Публиковалась в сборниках и альманахах посвящённых творчеству К. Донелайтиса.

Живёт в Калининграде.

Алёнкины мечты

Заканчивалось знойное и сухое лето. Несмотря на то, что августовское солнце становилось менее жарким, и с залива дул освежающий ветерок, в междурядьях высокой кукурузы Алёне было душно. К тому же ей очень хотелось есть и пить. Спрятавшись с раннего утра в кукурузном поле от полицаев, испуганная девочка ждала, когда вдалеке прекратятся выстрелы, и под покровом ночи можно будет вернуться в город. Рядом с ней на потрескавшейся от засухи земле лежал судак. Эту рыбину, весом около двух килограммов, называемую в тех местах «сула», Алёнка нашла в кустарнике около залива, куда приходила каждый день и вместе с такими же, как она, голодными и ищущими пропитания детьми и женщинами, которые ждали рыбаков с промысла.

Шёл второй год Великой Отечественной войны. Местное население Бердянска (в то время – Осипенко), где жила девочка, оккупанты кормить не собирались. Жители тихого портового города бедствовали и болели от непосильного труда на немцев. Чтобы не умереть с голоду, они искали любую возможность раздобыть еду: трудились на предприятиях, работавших теперь на благо гитлеровской Германии, продавали на рынке свои вещи или обменивали их на продукты. Самые

смелые рыбаки – кормильцы семей рисковали ходить к берегам Бердянского и Белосарайского заливов, в северную часть Азовского моря, богатую на добычу судака, белуги, кефали, камбалы, осётра, севрюги, хамсы, тарани. Веками хозяева этого благодатного уголка земли кормились дарами щедрого моря, но с приходом на Украину фашистов и захватом ими в октябре 1941 года Бердянска, вся его промышленность, в том числе порт и добыча рыбы, считались собственностью Германии. В период оккупации местным жителям приближаться к водоёмам не разрешалось, и самостоятельный выход рыбаков на промысел карался расстрелом на месте.

На захваченной территории немцы установили новую власть и наводили свои порядки. Чтобы на берегах заливов не происходило воровства рыбы, за возвращением лодок с моря и разгрузкой улова следили полицаи из числа русских предателей и румынских пособников фашистской Германии. И те, и другие бесчинствовали и старались выслужиться перед нацистами. Особенно лютовали солдаты Румынского кавалерийского корпуса, которые грабили, обманывали местных жителей и забирали у них последние продукты.

Несмотря на смертельную опасность, голод гнал людей к берегу, заставлял их скрываться от охранников в зарослях кустов и ждать рыбаков. Иногда во время разгрузки улова полицаи чем-то отвлекались, и в этот момент, рискуя жизнью, вернувшиеся с промысла бросали прячущимся землякам рыбу.

В тот злополучный памятный день, найдя судака, Алёнка сначала обрадовалась, а потом, услышав выстрелы и грубый крик охранника, сильно испугалась. Спасаться от полицая ей пришлось бегством. Не выпуская из рук рыбину, девочка долго бегала по улицам и оторваться от преследователя смогла только за городом: добежав до кукурузы, скрылась в густых зарослях «царицы полей». Она знала, что непослушных людей фашисты отправляют в концлагеря, на работу в Германию или расстреливают, и искала укрытие в глубине огромного поля. Там прислушивалась к звукам и вздрагивала от малейшего шороха. Девятилетний ребёнок понимал, что по законам оккупационной власти судак – краденый и, если её с ним поймают в поле, то обвинят в краже не только морепродукта, но и кукурузы. Ведь теперь всё, что было на оккупированной территории, в том числе и люди, которых можно было лишать жизни – принадлежало врагам.

В полдень, истомившись от жары, девчушка задремала. Во сне ей приснились бабушкины вареники с вишней, румяные пироги с рыбой и рулет с распаренным маком. Недолгий «вкусный» сон беглянки прервало не покидающее чувство страха и беспокойство за родных. Алёна знала, что они её ждут и волнуются, но выходить светлым днём из временного убежища было опасно. Вокруг поля, как и на побережье залива, патрулировали охранники.

Чтобы приглушить чувство голода, девочка грызла молодой, сочный початок кукурузы, вспоминала, как до войны гуляла с родителями и сестрёнкой в парке, каталась на качелях, пила ситро, кушала мороженое, вкусные шоколадные конфеты. А ещё ей вспомнился рынок с изобилием вяленой и копчёной рыбы, нанизанной цыганской иглой на грубые нитки. Вытирая грязной ладошкой слёзы, она мечтала о том, чтобы вернулось то счастливое время, когда ей жилось спокойно, сытно и весело. Так, в тревоге, воспоминаниях о прошлом, и мечтах о хорошем, прошли долгие часы томительного ожидания, когда можно будет вернуться домой.

Наконец, нагулявшись по летнему небосводу, солнце закатилось за горизонт, и на землю опустились густые сумерки. С наступлением темноты беглянка решилась выйти из укрытия и, прижимая к себе судака, стала осторожно пробираться к городу. Несмотря на то, что от непотрошёной рыбы уже исходил неприятный душок, ей не хотелось расставаться с добычей, из-за которой с раннего утра пришлось спасаться от полицая. Приблизившись к своему саду, она услышала, как из куста шелковицы её тихо окликнула соседка и предупредила, что в их дворе хозяйничают немцы. Оказывается, что кто-то из охранников в убегающей с побережья девочке узнал Алёну и привёл в её

дом фашистов. Дрожащему от страха ребёнку пришлось юркнуть в соседскую калитку и спрятаться у добрых людей.

В это время разозлённые немцы и их прислужники, не дождавшись маленькую «воровку», выгнали на улицу Алёниных мать, сестру и бабушку, перевернули всё в комнатах, обыскали сарай и, уходя, подожгли жилище. Глядя на пожарище, заплаканные женщины больше всего переживали за пропавшую где-то девочку, и в то же время молили Бога, чтобы она не вернулась, пока фашисты не ушли со двора.

Тревожный, наполненный страшными переживаниями день, когда за одну рыбину полицай гонялся за ней по городу с винтовкой, и немцы спалили дом, запомнился Алёне на всю жизнь. После этого случая её семье пришлось некоторое время прятаться у знакомых, а потом недалеко от пепелища сожжённого фашистами родного угла вырыть землянку и ютиться в ней до конца войны.

Во время оккупации мать Алёны работала на пивоваренном заводе, но на всех членов семейства её заработка не хватало. Чтобы помочь маме, девочка продолжала искать пропитание. Так как на берегу залива теперь ей появляться было опасно, она вместе с другими детьми стала ходить к столовой, где кормились немецкие солдаты. Среди кухонных рабочих был добрый немец, который жалел местных детей и все обрезки картофеля, моркови и капусты делил между ними поровну. Но на следующий день работал другой повар, который заставлял детишек в сильный мороз браться голыми ладонями за металлические перила крыльца. Затем садист обливал их руки водой, ждал, когда они обледенеют и бил по ним плёткой. Фашист с удовольствием наблюдал, как дрожащие от холода и боли дети терпят ужасное истязание. Тот, кто выдерживал эту пытку, получал «в награду» горсть очисток. Жуткую боль и издевательства изверга несчастные дети терпели из-за нужды и изнуряющего голода. Вместе с ними страдала и Алёна.

Выжив в страшное время и став взрослой, она не любила вспоминать те годы и редко рассказывала родным о своём тяжёлом детстве. У ребёнка войны эхо прошедших событий и ужасы пережитого ностальгию не вызывали. Из воспоминаний женщины её дочери узнали, что с приходом нацистов в Запорожье, местное население Бердянска два года находилось в постоянном страхе. За время оккупации тысячи людей были расстреляны в противотанковых рвах в районе Крекинг-завода, у обрыва в Мерликовой балке, замучены в гестаповских застенках и угнаны на работу в Германию. Особенно зверствовали гитлеровцы при отступлении из города: взрывали предприятия, жгли жилые дома, убивали женщин и детей. Везде, где прошли представители «высшей» расы, оставались кровавые следы их варварских преступлений и шлейф из загубленных человеческих жизней.

В те годы кроме страха, голода и холода, Алёна испытала беспокойство за мать, пережившую сильное нервное потрясение и потерявшую рассудок, когда на пивоваренном заводе на её глазах в бак с кипящим пивом с помоста упала женщина. Немцы при этом сильно ругались за испорченную продукцию.

В опалённом войной детстве у украинской девочки были свои мечты. Ведь, как известно, все ребятишки любят помечтать. Но их мечтания бывают разными. В мирное время – они лёгкие и праздничные. В трудные времена мальчики и девочки взрослели раньше времени и все их мечты и желания сводились к тому, чтобы выжить, согреться и хоть чем-то приглушить мучительное чувство голода. Как и многие дети войны, Алёнка мечтала о том, чтобы как можно скорее закончилась война и её отец вернулся с фронта, чтобы наступило время, когда наконец-то можно будет покушать досыта, не испытывая при этом физическую боль и изматывающий душу страх. И как прекрасно, что этим, как и многим другим мечтам детей военного времени, суждено было осуществиться. После Великой Победы.

Добавить комментарий

Комментарии